

СИТУАЦИЯ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ИГРЫ*

Место ЮКМ в географии глобальной игры

Ситуация, складывающаяся в последние годы в Южно-Китайском море (ЮКМ), находится в верхних рядах списка главных источников угроз поддержанию стабильности не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), но и в мире в целом. На первый взгляд кажется, что рост напряжённости в ЮКМ обусловлен исключительно спором среди группы стран субрегиона Юго-Восточной Азии (ЮВА) за обладание несколькими архипелагами, расположенными в этом море.

Претендентов на их владение условно можно разделить на КНР и «все остальные». Эти споры ведутся давно, но особенно обострились после распространения летом 2009 г. в ООН так называемой «девятипунктирной карты» (рис.1). Как видно, практически все архипелаги оказываются внутри акватории, очерченной этими «пунктирами», которые, к тому же, не определены точными географическими координатами. Это стимулирует малые прибрежные страны ЮКМ искать источники «внешней» поддержки, каковую получают, прежде всего, от Вашингтона, а также Токио и Нью-Дели.

Вовлеченность «внерегиональных сил» (по китайской терминологии) в территориальные споры в ЮКМ является свидетельством того, что, на самом деле, складывающаяся здесь ситуация определяется характером новой геополитической игры, которая формируется с окончанием предыдущей, получившей название «холодная война». Основным содержанием этой новой игры становится американо-китайское соперничество,

*Доклад, представленный на Международной конференции Института востоковедения РАН по вопросам сотрудничества и безопасности в Южно-Китайском море, 18 октября 2013 г.

которое принимает глобальные масштабы и отмечается на всех континентах.

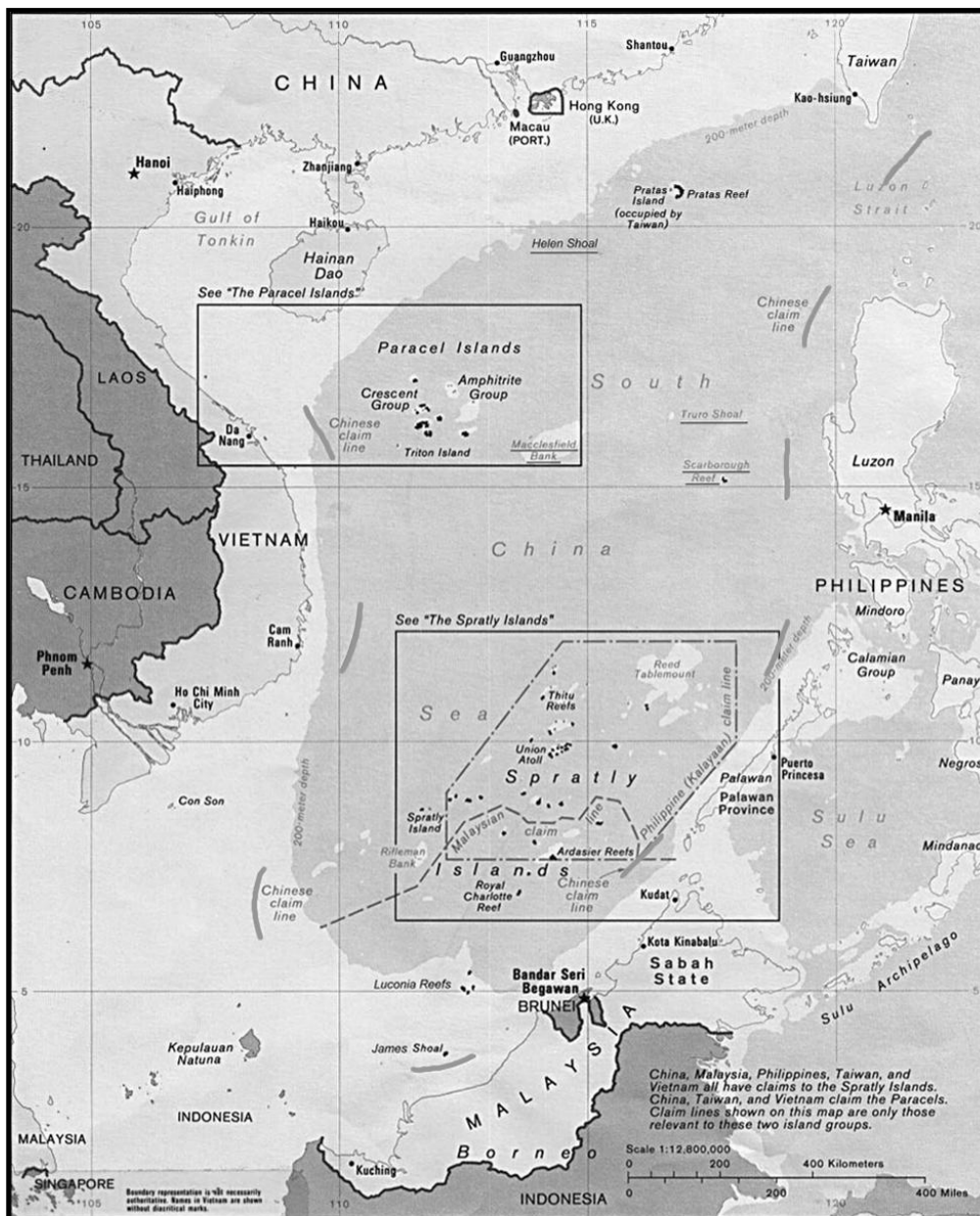

Рис.1. «Девятипунктирная» карта

Его центр, однако, (рис.2) располагается в относительно узкой морской полосе, заключённой между восточным побережьем Китая, а также ряда стран ЮВА, и так называемой «Первой островной линией». Последняя включает в себя четыре основных японских острова, архипелаг Рюкю, Тайвань и Малайский архипелаг. На последнем располагаются главным образом Филиппины и Индонезия¹. Одним из ключевых элементов указанной полосы и является ЮКМ.

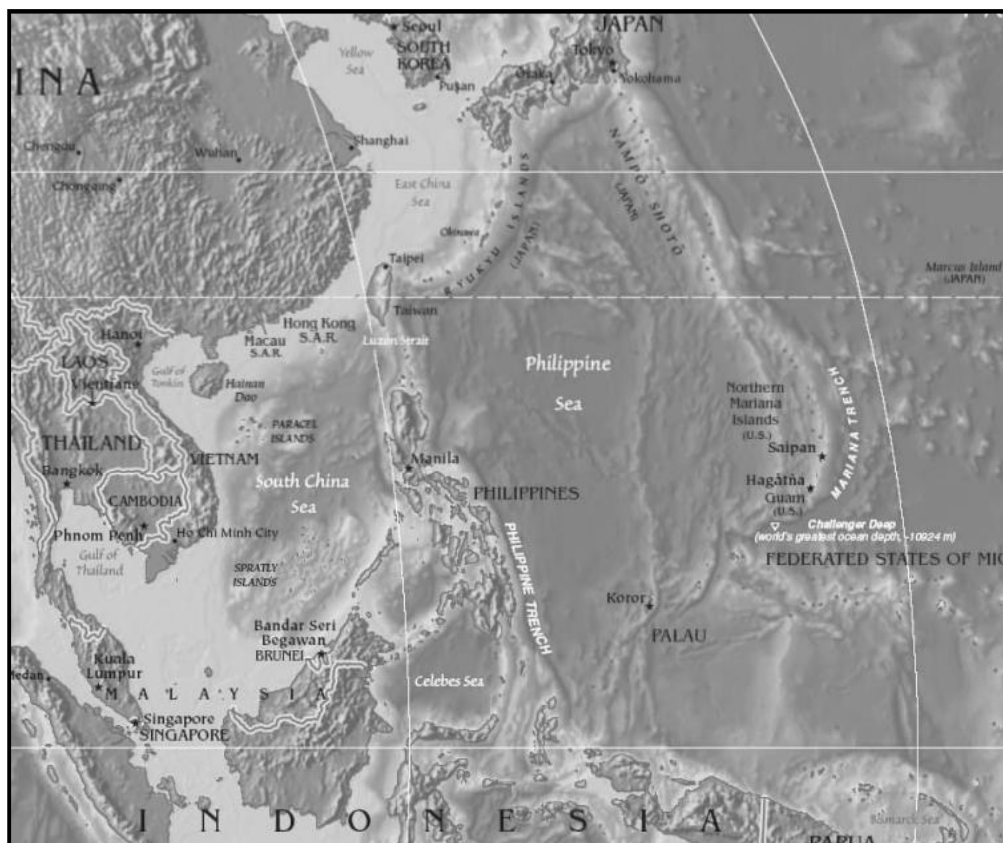

Рис.2. Западный район региона Тихого океана

В этой полосе располагаются потенциальные источники конфликта регионального и даже глобального масштаба, участниками которого могут оказаться ведущие региональные и мировые державы. Подобными источниками являются нерешённость корейской и тайваньской проблем, бескомпромиссность позиций Китая и Японии в вопросе владения островами Сенкаку/Дяоюйдао и, конечно, территориальные споры в ЮКМ.

Хотя интересы Китая несомненно затрагиваются конфликтами последних лет на Ближнем Востоке и в Северной Африке, он не обладает пока необходимой военной инфраструктурой за пределами указанной полосы. Эта инфраструктура сейчас создаётся в Индийском океане, но её потенциал пока явно недостаточен, чтобы бросить вызов США вкупе с их формальными и неформальными союзниками. Другое дело, упомянутая полоса. Здесь КНР уже обладает подобным потенциалом, который несомненно использует в случае возникновения угроз своим интересам.

Представляется важным отметить сужение свободы выбора шагов основных игроков в завязывающейся региональной игре, которая начинает диктовать им стратегии поведения, и это самая тревожная тенденция в ситуации, складывающейся в АТР. Вынужденный характер внешнеполитических шагов заметен даже на примере США.

«Сдвиг-разворот» в АТР мировых процессов и американской политики

В последние два года наиболее употребительными терминами, которыми эксперты пытаются передать смысл эволюции американского внешнеполитического курса, являются «разворот» (pivot) и «сдвиг» (shift) в АТР. Их стали широко использовать с появлением в конце 2011 г. в журнале «Foreign Policy» статей «Американский век в Тихом океане» и «Американский разворот в Азию», авторами которых являлись, соответственно, бывший госсекретарь Хиллари Клинтон и Кеннет Либертал – ответственный сотрудник администрации в период президентства Билла Клинтона².

Однако на самом деле упомянутый «разворот-сдвиг» наблюдается уже с начала первого десятилетия XXI в., а о его неизбежности особо внимательные американские эксперты заговорили ещё во второй половине 1990-х годов в рамках дискуссии на тему новой «Большой стратегии», которой следует придерживаться США в период «после холодной войны».

В военно-политической сфере первостепенную значимость приобрело разрешение всех «недоразумений» периода холодной войны в отношениях с Индией, заявившей о своих претензиях на роль одной из ведущих держав Азии и мира в целом. Начало процессу размораживания двусторонних отношений и последующему их быстрому развитию положил визит в 2000 г. в Индию тогдашнего президента-демократа Б. Клинтона. Этот процесс продолжил президент-республиканец Джордж Буш и сегодня, при общей характеристике его внешней политики как «провальной», едва ли не единственным, но чрезвычайно важным считается успех на индийском направлении.

В чисто военной компоненте общего процесса «разворота-сдвига» в АТР политики США уже во второй половине прошлого десятилетия были проведен ряд важных мероприятий. Так, к 2007 г. 6 из 11 авианосцев и 38 из 67 АПЛ американских ВМС размещались в Тихом океане³. Начиная с 2013 г., в Сингапуре будут развёрнуты четыре новейших корабля, предназначенных для наступательных операций в прибрежных водах (Littoral Combat Ships). Усиливаются военные группировки на Гавайских островах и на Гуаме, из Японии в г. Дарвин (Австралия) перебрасываются 2500 американских морских пехотинцев.

Совмещаются и объединяются в единое целое базовые концепции ведения крупномасштабных боевых действий, ранее разработанные для отдельных видов вооружённых сил. Военно-стратегическая цель всех этих мероприятий заключается в парировании стратегии «недопущения» американских боевых соединений в те или иные районы АТР (Anti-Access/Area Denial - A2/AD), якобы принятой в КНР⁴.

Иначе говоря, громкие слова ответственных государственных деятелей и авторитетных политологов США о возрастании значимости АТР и «развороте-сдвиге в Азию» американской внешней политики на самом деле представляют собой констатацию давно идущего процесса. Но этот реально наблюдаемый процесс нуждается в комментариях.

Некоторые эксперты усматривают в нём свершение, наконец, пророчества Освальда Шпенглера 1918 г. о «закате Европы». Однако на характере подобного пророчества отразились настроения пессимизма, распространившиеся в среде европейских интеллектуалов под влиянием Первой мировой войны⁵. Как и тогда, сегодня его не следует понимать буквально, несмотря на все нынешние проблемы Европы.

Важные уточнения в концепцию Х. Клинтон о «развороте» американской политики в сторону АТР внёс её преемник на посту Госсекретаря США Джон Керри. Выступая 14 февраля 2013 г. на встрече с Верховным представителем ЕС Кэтрин Эштон, он, в частности, заявил, что упомянутый «разворот» не означает, «что сейчас или в будущем отношениям [США] с Европой будет нанесён какой-либо ущерб»⁶.

Свидетельством того, что США не «бросают» Европу, должна была стать актуализация тогда же, то есть в начале 2013 г., проекта создания Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства, который на экспертном уровне обсуждается уже свыше двух лет. Сейчас сложно оценить, каковы реальные мотивы активизации обсуждения этого проекта. Нельзя исключать существенное присутствие среди них мотива снижения опасений среди части европейцев остаться без надёжной американской защиты. Свыше 60-и лет она позволяла им чувствовать себя вполне комфортно и заниматься главным образом восстановлением инфраструктуры, разрушенной в ходе Второй мировой войны и последующим экономическим развитием.

Наряду с общей концепцией «сдвига-разворота» подобным опасениям могло способствовать и особое внимание, которое Вашингтон уделял в последние годы такому её важнейшему элементу, как формирование Транстихоокеанского партнёрства (ТТП), а также решению одной из основных политических проблем этого проекта, связанной с побуждением ключевого регионального союзника, то есть Японию, присоединиться к ТТП. В июле 2013 г. эта проблема была успешно решена.

Таким образом, реальный процесс смещения центра тяжести мировых процессов и политики США в АТР не носит абсолютного характера. Однако он обусловлен реальным процессом превращения КНР в де-факто вторую глобальную державу, что рассматривается Вашингтоном в качестве вызова ключевым американским интересам во всех регионах мира, но, прежде всего, в АТР.

Американская политика «канатоходца» в отношении Китая

Подобная оценка места КНР в мире стала отправной точкой формирования американской политики на китайском направлении, включающей в себя две основные компоненты, которые поддерживаются различными и конкурирующими друг с другом группировками в американском истеблишменте. Эти компоненты определяются терминами «встраивание» Китая в мировые процессы с одновременным его «хеджированием».

Из них вторая фактически сводится к той же стратегии сдерживания, которая в годы холодной войны проводилась США по отношению к СССР. С его уходом с мировой политической сцены опустевшее место постепенно занимает Китай, который приветствует компоненту engagement (вовлечение) и абсолютно не приемлет hedging strategy (отгораживание).

Раздвоенность американской политики вызывает ассоциации с канатоходцем, который балансируя шестом пытается сохранить равновесие на проволоке, натянутой над пропастью. На одном его конце написано «встраивание», на другом - «хеджирование». В процессе балансирования канатоходец приподнимает то один, то другой конец шеста.

В период руководства Х. Клинтон американской дипломатией приоритет отдавался компоненте «хеджирование». Именно при ней был актуализирован тезис о том, что США являются «Великой Тихоокеанской державой», которую интересуют все процессы, происходящие в любой точке АТР. В 2010 г. он постоянно звучал на форумах АСЕАН, на которых обсуждалась как раз тема ситуации в ЮКМ⁷.

Сами же эти форумы фактически превратились в арену американо-китайской политической пикировки. В частности, позиция, занятая Х. Клинтон в июле 2010 г. на одном из упомянутых форумов, была оценена тогдашним Министром иностранных дел Ян Цзечи как «вызов Китаю»⁸.

Попытка актуализировать компоненту «встраивание» началась с отставки Х. Клинтон и прихода в феврале 2013 г. на её место руководителя Госдепартамента США Дж. Керри. За месяц до этого в «New York Times» появилась статья одного из мэтров американской политологии Джозефа Ная под примечательным заголовком «Работать с Китаем, а не сдерживать его»⁹. Представляется примечательной сдержанно-положительная реакция на эту на смену руководства Госдепартаментом в Китае и настороженная в Японии.

«Оффшорное балансирование» вместо «глобального доминирования»?

Однако тенденция к понижению значимости hedging strategy по отношению к Китаю мотивирована существенно более

весомыми факторами, чем смена персоналий во главе американского внешнеполитического ведомства. Среди них выделяются проблемы в сфере экономики, требующие снижения бремени военных расходов. Кроме того, Вашингтон не желает оказаться автоматически (в силу союзнических обязательств) втянутым в глобальный конфликт с КНР по относительно второстепенным для него поводам, например, из-за тех же споров американских союзников с Китаем за обладание некими островами в ЮКМ, нередко едва выступающими над поверхностью воды и расположенными в 10 тыс. км от американского побережья.

В США опасаются возникновения эффекта «имперского перегрева» в случае дальнейшего выполнения в прежнем объёме внешнеполитических обязательств, большая часть которых была «накоплена» ещё в период холодной войны. Подобным настроениям части американского истеблишмента отвечает концепция «оффшорного балансирования», предложенная Кристофером Лэйном ещё в середине 1990-х годов, которая, как сегодня полагает сам её автор, приходит на смену концепции «глобального доминирования» периода холодной войны.

Сформулированы несколько положений стратегии «оффшорного балансирования», из которых можно выделить три¹⁰:

- фискальные и экономические проблемы страны требуют установления приоритетов во внешнеполитической стратегии, из чего, с учётом роста значимости АТР, следует необходимость сокращения (но не прекращения) военного присутствия в Европе и на Ближнем Востоке;

- необходимо резко повысить уровень вовлечённости союзников в решение задачи поддержания стратегической стабильности во всех регионах. Это потребует, в частности, оснащения их ВС более современными системами вооружений, а также интенсификации совместных военных учений;

- из конечных целей будущих военных конфликтов в АТР (прежде всего, с Китаем) следует исключить смену правящих режимов, которая была основной в военных действиях США последних лет на Ближнем Востоке и в Афганистане.

В самом общем виде «оффшорная стратегия» США должна сводиться к обеспечению потенциала вмешательства в собы-

тия в АТР, если сложившийся здесь баланс резко изменится в негативную для Вашингтона сторону. Проявляется очевидное желание отойти от нынешней системы союзнических отношений, которая представляется в виде колеса с «осью» – США и «спицам» – союзниками (hub-and-spoke system), в сторону системы с более или менее равно нагруженными «спицами» (spoke-to-spoke system)¹¹.

Однако тенденция к выравниванию с союзниками тяжести нагрузок в сфере обеспечения региональной безопасности может стать источником угроз прочности всей системы двусторонних союзнических отношений. Она выстраивались Вашингтоном с начала 1950-х годов по схеме «владелец услуг» в сфере безопасности (США) – их «получатели» (союзники). Тенденция к отходу от этой схемы может вызвать у последних сомнения в надёжности дальнейшей опоры на США в обеспечении собственной безопасности и побудить их к поиску альтернатив.

Ряд конкретных мероприятий, предпринятых Вашингтоном в последнее время, способствует поддержанию подобных сомнений. В частности, обращает на себя внимание приглашение китайским ВМС принять участие в очередных международных военно-морских учениях RimPac (Rim Pacific), которые состоятся летом следующего года. В комментариях выделяется тот факт, что Китай впервые (правда в «усечённом» формате) приглашается на подобные учения, которые с 1971 г. проводятся раз в два года под эгидой ВМС США¹². Столь же настороженно азиатскими союзниками США будут встречены и только что объявленные планы по сокращению числа авианосцев в составе американских ВМС¹³.

Сторонники продолжения твёрдого курса в отношении Китая опасаются, что вместо реформирования «колеса» отношений США с союзниками может полностью разрушиться с трудно предсказуемыми последствиями для ситуации в АТР. Руководство американской внешней политикой не может не принимать во внимание подобных опасений.

Этим объясняется противоречивость риторики, с которой выступает в последние месяцы тот же Дж. Керри. Во время турне по странам Азии, прошедшего в 2013 г., в разных столицах он произносил разные по смыслу речи. Так, в Пекине гово-

рилось о необходимости кооперации с Китаем, особенно в проблеме «денуклеаризации Северной Кореи»¹⁴.

Однако в Японии Дж. Керри произнёс гораздо более конкретные и весьма важные для Токио слова. Например, такие: «Кое-кто скептически относится к американским обязательствам в регионе. Позвольте мне совершенно определённо заявить, что президент Обама принимает эффективные, стратегически значимые решения, а также подтверждает обязательства [США] по перебалансированию наших интересов и наших капиталовложений в Азию»¹⁵. Подобная риторика перед японской аудиторией ни чем не отличается от того, что ранее говорила Х. Клинтон.

Японо-индийское сближение

Всестороннее сближение Японии с Индией, наметившееся ещё в период первого премьерства Синдзо Абэ (2006-2007), является одним из важнейших политических трендов в АТР. Уже в ближайшие годы он отразится и на ситуации в ЮКМ. Выделяются два взаимосвязанных мотива подобного процесса, обусловленных опасениями обеих стран относительно, во-первых, последствий превращения КНР в мировую державу и, во-вторых, надёжности дальнейшей опоры на США.

В процессе развития японо-индийских отношений этапным стал официальный визит в Токио премьер-министра Индии Манмохана Сингха и его переговоры с японским коллегой С. Абэ, прошедшие с 27 по 29 мая 2013 г. Подписанное в ходе визита «Совместное заявление» касается вопросов экономики, безопасности, научного и культурного сотрудничества. Его основное содержание нашло адекватное отражение в п. 2, в котором выражается стремление сторон к развитию, «стратегического и глобального партнёрства», установленного ещё в 2006 г.¹⁶ В рамках этого партнёрства обе «главные демократии Азии» намерены играть определяющую роль «в обеспечении безопасности и процветания региона»¹⁷. Последний тезис почти буквально воспроизводит риторику 2006 г. того же С. Абэ. Наиболее подробно в «Совместном заявлении» отражена сфера экономического сотрудничества.

По мнению японских экспертов, относительно скромный уровень двусторонней торговли (около 8 млрд. долл.) обусловлен инфраструктурной неразвитостью Индии. С начала прошлого десятилетия её руководство сосредоточилось на решение этой ключевой проблемы экономики страны. Наиболее важным инфраструктурным проектом является «Промышленный коридор Дели-Мумбаи» (Delhi-Mumbai Industrial Corridor, DMIC) протяжённостью около 1500 км. У истоков этого грандиозного проекта находился тот же С. Абэ, ещё в период своего первого премьерства (в 2006 г.) пообещавший выделить на его реализацию 4,5 млрд. долл. в виде финансовой и высокотехнологичной поддержки проводимых работ.

Мотивация поддержки Японией процесса реализации ключевого государственного проекта Индии не сводится к личностным характеристикам японских политических лидеров и определяется отнюдь не только экономическими соображениями. В этом плане примечательным представляется тезис нынешнего «Совместного заявления» о необходимости «консолидации и укрепления в предстоящие годы стратегического и глобального партнёрства между Индией и Японией с учётом изменений в окружающей стратегической обстановке»¹⁸.

Что касается мотивации курса Нью-Дели на сближение с Токио, то обращают на себя внимание следующие слова, произнесённые М. Сингхом в ходе визита в одном из публичных выступлений: «Отношения с Японией составляют сердцевину нашей политики “Взгляд на Восток”. Мы рассматриваем Японию как естественного и незаменимого партнёра в решении проблем в области поддержания стабильности и мира в азиатском пространстве, охватывающем Тихий и Индийский океаны»¹⁹.

Относительно ситуации, складывающейся в ЮКМ, стороны высказались за обеспечение здесь свободы судоходства и торговли, а также за соблюдение основных положений морского права, основное содержание которого сегодня составляет Конвенция, принятая ООН в 1982 г. (UNCLOS-82). Это не совсем то, что может устроить Китай, который считает своими 80% акватории ЮКМ.

В совместном заявлении говорится также о согласовании усилий обеих стран по «реформированию ООН, включая расширение состава Совета Безопасности, имея в виду как его постоянных, так непостоянных членов». В связи с этим следует напомнить, что Индия и Япония уже давно претендуют на статус постоянных членов СБ ООН.

Итоги визита М. Сингха в Японию и всё, что ему сопутствовало, помогают прояснению общерегиональной политической картины. Ибо за столом японо-индийских переговоров незримо присутствовали два других ведущих региональных игрока, то есть США и Китай.

Примечательно, что в качестве главного организатора «политики окружения Китая» (судя по риторике китайских экспертов последних месяцев) сегодня выступает не столько Вашингтон, сколько Токио²⁰. Следует заметить, что сам характер внешнеполитической активности японского правительства последних месяцев предоставляет Пекину определённые основания для подобных предположений.

В заключение необходимо ещё раз подчеркнуть центральное место в современной глобальной политике АТР и той морской полосы, которая примыкает к восточному побережью Китая. Одним из основных элементов этой полосы является ЮКМ. Уже к началу 2012 г. экспертная оценка ситуации, складывающейся в ЮКМ, сводилась к констатации, что она находится в «патовом состоянии без перспективы каких-либо позитивных подвижек»²¹. В начале 2013 г. подобные оценки выглядят ещё менее оптимистично. В частности, говорится, что «перспективы компромисса или кооперации [в ЮКМ] выглядят мрачными»²².

Наконец, представляется уместным отметить, что последние события на Ближнем Востоке и в Северной Африке, которые сегодня являются основными генераторами «шума» в мировую прессу, на самом деле представляют собой локальную рябь на поверхности мировой политики. Их следует рассматривать скорее в качестве свидетельства активизации подводных вулканов, находящихся совсем в другом районе Земли.

¹ James Kurth, *Confronting China with western Characteristics*, *Orbis*, Winter 2012, p. 39-59

² Hillary Clinton, *America's Pacific Century*//*Foreign Policy*, November 2011; Kenneth Lieberthal, *The American pivot to Asia*// *Foreign Policy*, December 21, 2011

³ Tim Huxley, 'PacNet Number 35R'//Pacific Forum CSIS, Honolulu, 12 June 2012, <http://csis.org/files/publication/Pac1235R.pdf>

⁴ Christian Le Miere, *Rebalancing the Burden in East Asia*//*Survival*, vol. 55 no. 2, April-May 2013, p. 32

⁵ George-Henri Soutou: "L'Union européenne confrontée au besoind'Occident et au pivotement American"// *Revue Defence Nationale* , 2013, no , p. 107-111

⁶ Remarks by Secretary Kerry and by European Union High Representative Ashton, February 2013//Council on Foreign Relations, February 14, 2013 - <http://www.cfr.org/world/remarks-secretary-kerry>

⁷ Remarks at Press Availability//U.S. Department of State, July 23, 2010 - <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/07/145095.htm>

⁸ Gordon G. Chang, *Hillary Clinton Changes America's China Policy*//*Forbes*, 7/28/2010 - <http://www.forbes.com/2010/07/28/china-beijing>

⁹ Joseph S. Nye, *Work With China, Don't Contain It*//*The New York Times*, January 25, 2013 - <http://www.com/2013/01/26/opinion/work-with-china>

¹⁰ Christofer Layne, *The (Almost) Triumph of Offshore Balancing*//*The National Interest*, January 27, 2012

¹¹ Christian Le Miere, *Rebalancing the Burden in East Asia*//*Survival*, vol. 55 no. 2, April-May 2013, p. 31. p. 33

¹² Zachary Keck, *China, RIMPAC and Containment*//*The DIPLOMAT*, April 3, 2013 - <http://thediplomat.com/flashpoints-blog/2013/04/03/china-rimpac>

¹³ Christopher P. Cavas, *A US Navy With Only 8 Carriers?*//*DefenseNews*, Aug. 4, 2013 - <http://www.defensenews.com/20130804/DEFREG02/30E>

¹⁴ US Secretary of State John Kerry presses China for help with N. Korea // *news.com.au*, April 14, 2013 - <http://www.news.com.au/world-news/us>

¹⁵ Joint Press Availability With Japanese Foreign Minister Kishida After Their Meeting//U.S. Department of State, April 14, 2013 - <http://www.state.gov/secretary/remarks/2013/04/207483.htm>

¹⁶ Joint Statement: Strengthening the Strategic and Global Partnership between Japan and India beyond 60th Anniversary of Diplomatic Relations - <http://www.mofa.go.jp/mofa/files/000005381.pdf>

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹Vipin Vijayan, Manmohan Singh's love affair with Japan//rediffnews, May 28, 2013 - <http://www.rediff.com/news/slide-show/slide-show-1-manm>

²⁰ Japan trying to 'encircle' China by cozying up to India: Chinese media//NDTV, May 30, 2013 - <http://www.ndtv.com/article/world/japan-trying>

²¹ Leszek Buszynski, The South China Sea: Oil, Maritime Claims, and U.S.-China Strategic Rivalry//The Washington Quarterly, Spring 2012, p. 151

²² Water pollution//Christian Le Mier and Sarah Raine//Jaine's Intelligence Review, February 2013, p. 8